

Сугуру Гето был самым обыкновенным младшеклассником.

Ну, почти самым обыкновенным. Он с раннего детства видел проклятых духов, но родители убедили его никогда не рассказывать об этом другим. Мальчик послушно молчал.

А потом вмешался случай. Убегая от преследовавшего его проклятого существа, Сугуру случайно коснулся твари. И в то же мгновение та сжалась, обратившись в угольно-черную, матовую проклятую сферу.

Она была круглой и темной. Сугуру, как и любой мальчишка его возраста, обожал видеоигры, а потому быстро и без всяких подсказок окрестил находку «покеболом».

Понадобилось немало времени, чтобы понять, как использовать эту штуку. Метод оказался варварским — сферу нужно было проглотить. Из-за одного только запаха, от которого выворачивало наизнанку, Сугуру пришлось долго собираться с духом. Но в итоге он привык и сделал поимку проклятых существ частью своей повседневной рутины.

Сегодня по дороге из школы Гето наткнулся на очередного духа. Это был не безликий мелкий паразит, коих полно на плечах у прохожих, а вполне оформившееся проклятое существо третьего ранга.

Заманив его в безлюдный переулок и натравив на него своих карманных «монстров», Сугуру после недолгой возни добился желаемого. Тварь с тихим хлопком сжалась, превратившись в идеально круглую, темную проклятую сферу. Даже чернее прежних.

«М-да... Эта гадость наверняка окажется еще более мерзкой на вкус»

Сугуру рос не по годам развитым мальчиком. В его детскую голову прочно врезалось правило «кому многое дано, с того много и спросится», поэтому, разобравшись в сути своей проклятой техники, он принялся целенаправленно коллекционировать духов.

Однажды он даже попытался покрыть проклятую сферу сладкой глазурью. Но стоило положить ее в рот, как оболочка мгновенно растворилась, оставив на языке противную сладость, смешанную со вкусом половой тряпки. Вышло еще хуже. С тех пор он оставил эти глупые попытки.

Гадкая, невыносимая дрянь. Но глотать ее придется.

Только так можно стать сильнее.

Сугуру уже поднес проклятую сферу к губам, когда чья-то рука бесцеремонно вынырнула из-за его плеча и выхватила добычу.

Мальчик дернулся, намереваясь вернуть украденное, но тут же замер, пораженный видом наглого грабителя.

Перед ним стоял ребенок. Белый, как чистый лист бумаги — словно в его теле начисто отсутствовали пигменты. Из-за круглых темных очков проглядывали лазурные глаза, сиявшие чистейшим блеском драгоценных камней. Даже сейчас, лениво вертя в пальцах уродливую черную проклятую сферу, незнакомец разглядывал ее с таким изяществом, словно держал в руках шедевр мирового искусства.

Впрочем, Сатору Годзё в этот момент волновало совсем другое: он просто размышлял, как лучше это проглотить.

— А-а-ам...

Помедлив секунду, Сатору широко разинул рот и самым бесхитростным образом закинул проклятую сферу внутрь, решив лично снять пробу с этой странной штуковины.

Сугуру опешил. Глаза его округлились от шока, и он бросился вперед, пытаясь перехватить руку наглеца.

Он никогда никого не угощал своими проклятыми сферами, да и желающих в здравом уме не находилось. А тут из ниоткуда выскакивает какой-то безумный ребенок и жрет непонятную гадость! Вдруг он отравится и помрет прямо здесь?

Увы, помешать Сугуру не успел.

— Кхм... Какая мерзость.

Вкус грязной половой тряпки, которой вытирали рвоту. Неудивительно, что в будущем этот парень, даже став главой целого культа, постоянно торчал у раковины, пытаясь отмыть рот.

Лицо Годзё оставалось бесстрастным, не выдавая бури чувств в его душе. Несмотря на тошнотворный вкус, он заставил себя проглотить проклятую сферу до конца.

[Тошнит.]

Он едва заметно скривился, но тут же вернул лицу невозмутимое выражение.

— Ну и как ты себя чувствуешь?! Я же говорил — не хватай чужое! Ты вообще чей? Где твои родители?..

Голос Сугуру гремел над самым ухом. Мальчишка, хоть и был еще обычным школьником, отчитывал его с суровостью умудренного опытом взрослого.

— Как же ты шумишь, Сугуру.

Слова застряли у Гето в горле.

Он точно помнил, что не называл незнакомцу своего имени. Случайность? Или этот странный парень отслеживал его намеренно?

В голове тут же всплыли заезженные сюжеты из манги, где главный герой сталкивается с тайными организациями. Сугуру замер, разрываясь между бдительностью и мальчишеским азартом.

Сатору не обратил никакого внимания на его замешательство и привычно заворчал. Возможно, в нем все еще бурлила глухая обида на того, взрослого Гето, который когда-то оставил его одного и выбрал смерть. И эта обида невольно вылилась на ни в чем не повинного ребенка.

Впрочем, какая разница.

Этот маленький Сугуру еще не знал ужасов того будущего.

Проглоченное проклятое существо, лишившись оболочки, попыталось метаться внутри его тела. Помедлив мгновение из чистого упрямства, Сатору наконец активировал Безграничность и полностью стер тварь из существования.

Мерзко. До чего же это мерзко, невкусно и абсолютно неперевариваемо.

— У меня живот разболелся. Ты виноват, тебе и отвечать.

С этими словами Сатору рухнул прямо на пыльную землю. Без предупреждения, мгновенно. Но сделал это с таким несчастным и обиженным видом, что пройти мимо было решительно невозможно.

Маленький Гето, у которого еще не выработался иммунитет к бесстыдным выходкам этого белобрысого чудовища, послушно попался на удочку.

— Эх... Ладно, проехали.

Сугуру хотел было расспросить его подробнее, но, вздохнув, просто опустил на корточки и протянул руку.

— Пошли. Я отведу тебя в больницу тут неподалеку.

— Не хочу в больницу. Хочу домой.

— Ладно. И где твой дом?

— Вон там.

Собственно, так Сугуру Гето и оказался втянут в эту историю. Настоящее, высокочеловеческое мошенничество с падением на рельсы жалости.

Сгрудившиеся у двери обитатели дома, выслушав сбивчивые объяснения гостя, молча переглядывались. Глядя на то, как Сатору продолжает самозабвенно ломать комедию, они просто не находили слов.

Да уж. Выйти на прогулку и притащить домой человека — в этом весь Годзё. Никто и не удивлен.

— Э-эм, может, посмотрите его? Он говорит, что у него сильно болит живот, — чувствуя себя крайне неловко под градом любопытных и сочувствующих взглядов, Сугуру указал на повисшего на нем Сатору и попытался аккуратно отцепить его от себя.

Но тот, казалось, состоял исключительно из жидкого пластилина: он лишь лениво перетек в другую, еще более нелепую позу, намертво вцепившись в куртку мальчика.

— Заходи ладно... Чего на пороге стоять.

Желающих вмешаться и забрать «пострадавшего» было хоть отбавляй, но все молчали, с предвкушением наблюдая за тем, как «будущий лучший друг» Сатору добровольно лезет в расставленные сети.

Разумеется, шоу должно продолжаться. Видя перед собой редкий экземпляр абсолютно нормального человека, местные шутники мгновенно оживились.

— О нет! Что с тобой, Сатору?! Не умирай! Только не умирай, Сатору-у-у!

Первым на сцену выбежал Сюдзи Цусима. Проявив чудеса лицедейства, он завыл на одной ноте, а затем с разбегу бросился на шею Сатору. Его прикосновение мгновенно

нейтрализовало Безграничность, превратив несчастного Годзё в начинку для сэндвича между Сюдзи и Сугуру.

— Кх... — Сатору шумно выдохнул от неожиданного удара.

Он бросил на Цусиму испепеляющий взгляд, но, резко повернувшись к Сугуру, тут же вернул лицу страдальческое выражение.

— Сугуру... мне так плохо...

Он согнулся в три погибели, потер кулаками глаза и жалобно надул губы, изображая невинную жертву тяжелого недуга. Сюдзи от такого зрелища демонстративно отвернулся, издав тихий рвотный звук.

Но Сугуру, не звавший истинной натуры этой честной компании, распереживался не на шутку.

— Ложись! Годзё теряет сознание! — вовремя подал голос Ранпо Эдогава, переполошив весь дом. На шум из комнат высунулись Сакуносукэ Ода и Чуя Накахара.

— Братец Сатору?.. Да он же... — Чуя в недоумении уставился на «умирающего», не замечая в нем ни малейших признаков слабости. Однако договорить ему не дали: Ранпо мгновенно зажал ему рот ладонью, утащил в угол и зашептал на ухо на ходу придуманные правила игры.

— Быстрее несите его к Акико!

В общем, под шумок и общую неразбериху Сугуру сам не заметил, как остался в доме и послушно устроился рядом с кушеткой, ожидая результатов осмотра.

«Точно какая-то тайная секта...»

Разглядывая развешанные по стенам анатомические плакаты и аккуратно разложенные на столике скальпели с едва заметным багровым налетом, он окончательно укрепился в этой мысли.

К его удивлению, роль доктора исполнял вовсе не солидный взрослый, а короткостриженная девочка, выглядевшая старше его всего на пару лет.

Акико привычным жестом уложила Сатору на кушетку, без лишних церемоний провела беглый осмотр и внезапно нахмурилась.

«Неужели все настолько плохо?»

Сугуру, совершенно замороженный ее профессиональной уверенностью, затаил дыхание. Его сердце тревожно сжалось.

Обычно, когда врач в больнице с сочувствием произносит: «Ешьте все, что хочется», пациент мысленно начинает готовиться к худшему. Но порой за серьезным видом скрывается нечто совершенно иное.

Вот и сейчас Акико просто не понимала, какого черта Сатору симулирует смертельный недуг.

Однако, взглянув на бледного от чувства вины Сугуру, она мгновенно раскусила план. Поймав умоляющий взгляд заговорщика, девочка едва сдержала смешок, изо всех сил стараясь сохранить каменное лицо.

— Кхм-кхм... — Акико делано откашлялась и под пристальными, полными надежды взглядами мальчишек наконец заговорила: — Ну как же так, Сатору? Ты ведь прекрасно знаешь, насколько опасна твоя болезнь. Зачем же ты сбежал из дома и так нагружал организм?

Сугуру запаниковал. Скрывать страх больше не получалось. Тот факт, что больной ребенок сожрал его проклятую сферу, пусть даже по собственной глупости, не на шутку пугал: вдруг тот действительно отдаст концы прямо сейчас?

Акико и Сатору разыграли спектакль как по нотам. В их версии Годзё предстал несчастным сиротой с тяжелым врожденным пороком сердца, которому категорически запрещались любые физические нагрузки, а из дома он сбежал просто от невыносимой тоски взаперти.

Беспокойство Сугуру быстро переросло в липкое, удушающее чувство вины. «Какая же я тварь», — вертелось в его мыслях. Продолжи они этот допрос, он бы, наверное, вернувшись домой, всю ночь колотил подушку от стыда.

Терзаемый угрызениями совести, Сугуру послушно сидел у постели «больного», пока не пришло время возвращаться домой из-за строгого родительского комендантского часа.

— И зачем ты это устроил? Не боишься, что он возненавидит тебя, когда узнает правду? — спросила Акико, как только за гостем закрылась дверь.

— Я... я просто развиваю в нем бдительность! Чтобы на мошенников не попадался! — Сатору бодро задрал нос, но упрямо отвел глаза в сторону. В некоторых вещах он оставался поразительно невыносимым и упрямым.

«До сих пор дуется на него из-за прошлого»

Она не стала беречь его уязвленное самолюбие. В конце концов, подросткам свойственно упираться из глупой гордости.

После того памятного «инцидента» Сугуру стал заглядывать к ним все чаще. Совершенно неожиданно для себя он обрел странного, шумного, но такого близкого друга.

«А может... это даже к лучшему?»

Магам, выросшим среди обычных людей, всегда тяжело. Они обречены на вечное одиночество.

То, что видит он, скрыто от чужих глаз. А то прекрасное, чем любятися обыватели, для него вечно заслонено уродливыми тушами проклятых существ.

Сугуру был одинок.

И это не то одиночество, когда тебе не с кем поговорить. Хуже: ты знаешь, что стоит поделиться своей бедой, и в ответ услышишь лишь вежливое: «Тебе нужно показаться врачу». Стена непонимания была глухой.

Поэтому он рано научился фальшиво улыбаться.

Улыбка — универсальный щит.

Когда окружающие спорят о вещах, которые ему безразличны, он улыбается, симулируя интерес. Когда родители в сотый раз умоляют его вести себя как «нормальный ребенок», он улыбается, показывая, что у него все отлично.

Но было ли ему легко?

Легкость, купленная ценой запертой на замок души — это лишь сладкий яд. Снаружи красиво, но стоит сделать глоток, и изнутри выжигает невыносимая боль.

В такие минуты проще говорить со своими карманными проклятыми существами.

Проклятые существа хотя бы не умеют спорить.

— Эй, Сугуру, ты опять где-то витаешь?

Сатору недовольно скривился, всем своим видом выражая протест против невнимания к своей персоне.

Ах да. Теперь у него появился этот несносный приятель.

— Слушай, я давно хотел спросить... Откуда ты узнал мое имя?

Под натиском этого беспардонного белого кота Сугуру незаметно для себя перешел на простые имена со всеми обитателями этого дома. Поначалу это казалось непривычным, почти интимным, но со временем он втянулся.

Сатору заговорщически прищурился и придвинулся ближе:

— Потому что ты мой вечный должник! В прошлой жизни ты занял у меня десять миллиардов и благополучно помер, так и не вернув ни иены. Я так злился перед перерождением, что умолял жнецов смерти записать твое имя мне на подкорку, чтобы стрясти долг в новой жизни!

Выдал абсолютно идиотскую, раздражающую тираду с самым серьезным выражением лица.

У Сугуру зачесались кулаки. Но бить больного ребенка не позволяла совесть.

Он дорожил этой дружбой. По крайней мере, теперь у него был тот, кто понимал его без лишних слов, когда речь заходила о проклятых существах.

Пользуясь его добротой, Сатору безжалостно выгребал из его карманов сладости и весело делился добычей с остальной бандой.

Банда ликовала.

Сугуру вздыхал: «Ладно, он ведь болен, надо быть терпимее».

Сатору обнаглел окончательно: он копался в его портфеле, забирал приставку, листал тетради и учебники, оставляя после себя хаос, сопоставимый с нашествием саранчи.

Сугуру копил злость.

Этот мыльный пузырь лжи раздувался слишком долго. Гето честно верил в сказку о больном мальчике всякий раз, когда тот выкидывал очередной финт.

Ровно до сегодняшнего дня.

Сугуру застыл на пороге тренировочного зала.

Посреди просторного помещения носился Сатору. Он с диким хохотом осыпал своих спарринг-партнеров шквалом разрушительных ударов, выкрикивая на лету:

— Куда побежали?! Это все ради вашей же пользы! Тяжело в учении — легко в бою!

Скорость его движений и масштаб разрушений заставляли усомниться в законах физики.

Шмяк!

Рюкзак Сугуру выскользнул из ослабевших пальцев и глухо ударился о пол. Мальчик даже не заметил этого.

На звук падения все мгновенно обернулись.

Сугуру стоял в дверях — бледный, с округлившимися от ярости глазами, застывший словно каменное изваяние.

[О, попался!]

[Ну наконец-то,]

[Слава богу, больше не надо врать,]

Акико и Одасаку лишь обменялись понимающими взглядами: «Мы так и знали».

Тодзи Дзэнин даже не повернул головы, продолжая лениво отрабатывать удары.

Толпа зрителей разделилась на три лагеря: злорадствующие, выжидающие и те, кто праздновал избавление от необходимости врать.

Сугуру едва сдерживал дрожь от ярости.

Ему казалось, что все карманные деньги, которые он потратил на покупку пирожных для этого «смертельно больного» паразита, прямо сейчас кружат над его головой в безумном танце, трубя в похоронные трубы и издевательски улюлюкая.

Этот монстр выглядел здоровее любого атлета! Он мог голыми руками пробить кирпичную стену! Сквозь свободную футболку отчетливо прорисовывался рельеф тренированного тела. И как Сугуру раньше не замечал очевидного? Видимо, ангельское личико напрочь лишило его способности мыслить критически.

— О, Сугуру пришел! — Сатору приветственно взмахнул рукой, прерывая его так и не начавшуюся гневную тираду. — Ну давай, проверим, сколько секунд ты выдержишься против меня!

Сейчас Сатору буквально светился. Вокруг его тела клубилась мощная, неоновая-синяя проклятая энергия с мягким белым ореолом. Чистейший образ финального босса из какой-нибудь фантастической манги.

Но юношеский пыл и упрямство взяли верх. Сугуру с хрустом размял пальцы и, призвав свое самое свежее проклятое существо второго ранга, с грозным боевым кличем бросился в атаку.

Спустя три минуты все было кончено.

Сугуру лежал на матах без сил, раскинув руки подобно выброшенной на берег рыбе. Закрыв лицо ладонью, он мысленно выжигал у себя на лбу ровно одно слово: «Позор».

Проиграл. В пух и прах.

— Ну не расстраивайся! Проиграть сильнейшему магу современности — совсем не стыдно! — лицо Сатору вынырнуло прямо над ним, заслонив яркий свет потолочных ламп. Говорил он невыносимо хвастливо, но, увы, чистую правду.

— Ты... у меня еще выхватишь... — прошипел сквозь зубы Сугуру.

«Вот соберу побольше сильных духов, стану по-настоящему сильным и выбью из тебя всю эту дурь!»

Сатору лишь весело расплылся в улыбке:

— Становись сильнее, Сугуру.

Именно это упрямство, это яростное желание разнести в щепки любые авторитеты и доказать свою правоту так восхищали в нем Сатору. В этом маленьком Сугуру он видел отголоски той самой юности, которую некогда делил с ним... до того, как холодные стены Тюремной обители разлучили их навсегда.

«Стань достаточно сильным, чтобы вместе со мной перевернуть этот прогнивший мир магов. И достаточно сильным, чтобы никто и никогда не посмел покушаться на твое тело, Сугуру»

Сатору наложил на него свое безмолвное проклятие. Обещание стать сильнейшими, изменить устои этого мира и никогда, ни при каких обстоятельствах не расходиться в разные стороны.

Ведь дружба — это тоже грань любви.

А любовь, как известно, самое извращенное проклятие на свете. И если это проклятие наложил сам Сатору Годзё на своего будущего единственного друга, оно обязано стать нерушимым.

Сугуру вздрогнул. Ему показалось, будто на его плечи опустилась невидимая, неосязаемо легкая, но невероятно прочная цепь.

— Само собой.

Но это чувство не вызвало у него отторжения. Если это вызов, брошенный Годзё, то Сугуру с радостью его примет. Перспектива обрести безграничную силу манила и кружила голову.

— Я стану настолько сильным, что тебе придется плестись у меня в хвосте.

— Опять мечтаешь среди бела дня, Сугуру?

— Заткнись и не порти момент!

До чего же невыносимый парень.

Но сейчас оба они искренне улыбались. А большего и не требовалось.

— Фу-ух, ну наконец-то этот несносный мальчишка перестал дуться, — Акико с облегчением выдохнула, поворачиваясь к стоявшему рядом Одасаку. — Посмотри, как Сатору рад.

— Да. Рад. И это замечательно, — неторопливо ответил Ода.

Именно такие финалы — светлые, полные тепла и надежды — он любил всей душой.

В тренировочном зале продолжал стоять невообразимый гул.

Кавех с трудом оторвал взгляд от чертежей нового поместья для семьи Вонгола, над которыми корпел уже не первый день, и с легким беспокойством посмотрел на ребят.

— У них точно все в порядке? Сатору никогда раньше не тренировался с таким рвением. Обычно он только лениво ворчал, что ему скучно.

— Все нормально. Начинай беспокоиться, когда у него иссякнут силы для этих глупостей, — не отрывая взгляда от книги, спокойно отозвался Аль-Хайтам.

Ничего страшного не происходило. Выпустить пар, порезвиться и избавиться от застарелых обид — лекарство, полезное для каждого из них.

<http://bllate.org/book/18256/1755733>